

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008(1-6)

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОСТМОДЕРНА: ФЕНОМЕН СЕМИОТИЗАЦИИ БЫТИЯ

д-р филос. наук, проф. М.А. МОЖЕЙКО

(Белорусский государственный университет культуры и искусства, Минск)

На основе современного специфического восприятия человеком мира в качестве хаоса и феномена постмодернистской чувствительности в статье проводится идея, что стратегия мировосприятия постмодернизма базируется на фундаментальной культурной стратегии семантизации бытия. Раскрываются такие установки постмодернистской культурной стратегии, как отказ от «эквивалентности» (Ж. Бодрийар), «трансцендентальное означаемое» (Ж. Деррида), «референциальная иллюзия» и фигура «мертвой руки» (Х. Брук-Роуз), а также многие другие, которые в целом подтверждают нелинейность культуры постмодерна и возможность утверждения для нее единственного универсального принципа – плюрализма.

Коллективное сознание моделирует артефакты
в социально символических актах.

F. Jameson

Потребительская и меновая стоимость товара
уступают место стоимости знаково-символической.

S. Lash

Введение. Культура сегодняшнего дня, осмыслившая себя в качестве постсовременной (т.е. культуры постмодерна), фундирована специфической картиной реальности, которая строится на основе феномена, получившего в литературе 80 – 90-х годов (Ж.-Ф. Лиотар, А. Меджилл, В. Вельш, В. Лейч и др.) название «постмодернистской чувствительности» и связанного с установкой на восприятие мира в качестве хаоса. Данная установка является результатом рефлексивного осмысления глубинных ориентаций культуры постмодерна, программно релятивизировавшей практически все свои компоненты: технологию, политику, науку, архитектуру, философию, социологию, историю, этику, медицину, этнографию, все виды искусства, стиль мышления, коммуникационные стратегии, сексуальные практики, тип феминизма, склад повседневности и стиль жизни, включая молодежную музыкальную культуру и подростковые поведенческие субкультуры.

Основная часть. В своих модельных представлениях о реальности постмодернизм, по оценке В. Лейча, «создает формы порядка как беспорядка» [1, с. 144]. Как пишет Б. Сمارт, на смену идеологии «порядка вещей» приходит идеология «беспорядка и разлада (disorder)» [2, с. 40 – 68]. Разумеется, интегральная схема видения реальности, представленная «постмодернистской чувствительностью», находит свою спецификацию применительно к различным проблемным полям философии постмодернизма, версифицируясь в различных терминологических традициях. Категориальный аппарат философии постмодернизма находится в процессе своей эволюции и не стремится к унификации в силу аксиологических презумпций «постмодернистской чувствительности». Несмотря на отсутствие единой терминологии постмодернизм в философской своей проекции характеризуется фундаментальным парадигмальным единством.

В целом фундаментальной предпосылкой мироинтерпретации выступает для постмодернизма отказ от идеи целостности, иерархичной структурности и гармоничной упорядоченности мира: по формулировке Ж. Делеза и Ф. Гваттари, «мы живем в век частичных объектов, кирпичей, которые были разбиты вдребезги, и их остатков» [3, с. 42]. Как отмечено Ф. Джеймисоном, в зеркале постмодерна мир, «становится... хаотичным и разнородным» [4, с. 119]. Состояние постмодерна, по В. Вельшу, «необратимо плюралистично» [5, с. 124]. В ракурсе видения «постмодернистской чувствительности» хаотичность пронизывает все уровни бытия: мир «потерял свой стержень», «превратился в хаос» [6, с. 11]. Социум предстает в постмодернистской социологии (С. Лаш и последователи) как «дезорганизованный капитализм». Сознание оказывается, по В. Варду, «плодом познания разбитого мира» [7, с. 158 – 185]. В вер-

бальной сфере это порождает «невозможный глоссарий» (К. Лемерт) [8, с. 54 – 69], в дискурсивной – неканонические стратегии дискурсивных практик («еретический дискурс» Б. Смартта [2, с. 80 – 127]).

Поскольку культурная традиция сопрягает смысл как таковой с упорядоченной целостностью, организованным гештальтом, постмодернизм осуществляет последовательный отказ от всех элементов данного комплекса. В отличие от классической традиции, полагавшей, по оценке М. Фуко, что «вещи уже шепчут нам некоторый смысл, и нашему языку остается лишь подобрать его» [9, с. 47], постмодернизм констатирует устами Ж. Бодрийера «катастрофу (или “взрыв” – “имплозию”) смысла» [10; 13]. «Мир смысла», по Ж. Делезу, «имеет проблематический статус» [11, с. 133]. Презумпция тотального семантического хаоса обозначена Ю. Кристевой как уверенность в «бессмысленности Бытия» [12, с. 273].

Важнейшей презумпцией постмодернистского видения мира, наряду с презумпцией его хаотичности, выступает презумпция его семиотической (прежде всего – языковой) артикулированности.

Трактовка мира как текста, в сущности, традиционна для европейской культуры (например, неоплатоническая модель мира или средневековая интерпретация бытия как книги божественных смыслов), однако классическая культура всегда разделяла так называемое объективное содержание текста и объект как таковой. В постмодернизме же на смену классическому требованию определенности значения, жесткой соотнесенности его с конкретным денотатом приходит программная открытость значения или, по Ж. Бодрийера, отказ от «эквивалентностей» [13, с. 36].

Бесконечность пересекающихся значений знака, детерминированная бесконечностью его культурных интерпретаций, практически растворяет объект в плюрализме его трактовок. – Шекспировскому «Что имя? Роза пахнет розой, хоть розой назови, хоть нет...» противостоит в современной культуре причудливый арабеск порожденных различными традициями, но в контексте микшированной культуры постмодерна, наложенных друг на друга значений: роза как радость, жизнь, тайна, тишина, любовь, смерть, Воскресение, красота, слава, гордость, молитва, победа, мученичество, пышность, солнце, мужество, женственность, Венера, дева Мария, число 5, Христос, св. Георгий, творческий порыв, девственность, чувственная страсть, христианская церковь, земная жизнь, гармония мироздания и многое другое. Принятие тех или иных значений задает принадлежность человека к культурной традиции и делает соответствующий объект определенным образом значимым для него, – знание же всех возможных значений в культуре постмодерна растворяет определенность семантики – вплоть до открывающейся в слове возможности означать все, что угодно (что, например, позволяет У. Эко назвать свой роман «Именем розы»).

Таким образом, применительно к культуре постмодерна Ж. Бодрийер фиксирует победу «логики уничтожения собственного референта, логики поглощения значения» [14, с. 67]: стоящее за словом понятие утрачивает денотат как онтологический гарант семантической определенности, – десигнат как идеальный конструкт остается его единственным и весьма условным референтом. Внеязыковое бытие не конституируется в рамках постмодернистской картины мира, где семиозис понимается как единственная форма существования любого феномена, включая и самого субъекта¹.

В связи со сказанным наиболее значительная спецификация видения мира, задаваемого «постмодернистской чувствительностью» вырабатывается философией письма и текста. Основой постмодернистской текстологии выступает радикальная критика референциальной концепции знака и отказ от презумпции стабильности значения. Если для классической философии языка традиционным было фундаментальное дистанцирование означаемого (*signatum*) и означающего (*signans*), оппозиция между которыми мыслилась как спецификация глубинной оппозиции между интеллигибельным и чувственным, то современная семиология, выступающая базой для постмодернистской философской парадигмы, трактует феномен значения радикально по-иному. В формулировке Ф. де Соссюра, «означающее немотивированно, т.е. произвольно по отношению к данному означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи» [15, с. 101]. Деррида постулирует «для знаковой цепочки невозможность задержаться на таком означаемом, которое не продлило бы ее» [16, с. 148].

В постмодернистской ретроспективе традиция философской классики, как и вся классическая традиция западной культуры, будучи фундированной указанной оппозицией *signans/signatum*, порождала (именно в силу такой фундированности) своего рода иллюзию референции. Так, в интерпретации Ж. Делеза, «смысл – это, собственно, открытие трансцендентальной философии» [11, с. 134]. По оценке Ж. Деррида,

¹ В данном аспекте философия постмодернизма во многом опирается на идеи структурного психоанализа, в первую очередь – концепции Ж. Лакана, в рамках которой зафиксирован факт вербальной артикуляции любой формы бессознательного, понимаемого в классическом психоанализе как последний оплот суверенности. В этом контексте субъект характеризуется Ж. Лаканом как «децентрированный», растворенный в формах языкового порядка. – Рациональный субъект декартовского типа, равно как и вожделеющий субъект типа фрейдистского, сменяются деперсонифицированным инструментом презентации культурных смыслов и языка.

именно в рамках этой традиции внетекстовое «трансцендентальное означаемое» становится «референтом, ... семантическим содержанием или формой присутствия, гарантирующей извне движение ... текста» [16, с. 119].

Анализ постмодернизмом философской традиции ориентирован на прочерчивание вектора от традиционной онтологизации значения ко все более последовательному отказу от самой идеи референции. Если реализм классики задавал своего рода непоколебимую иерархию значений, а модернизм, делая шаг к деонтологизации значения, фундировал свои онтологические построения идеей гипотетического порядка и временного смысла, завязанных на личном опыте субъекта, то постмодернизм основывает все свои теоретические построения на программной презумпции отказа от определенности онтологии, предполагающей принципиальную возможность конструирования любой картины мира – с равной степенью вероятности (или, что для постмодернизма одно и то же, – невероятности).

Постмодернистское видение ситуации характеризуется дискредитацией феномена значения, как якобы гарантированного внетекстовым означаемым: согласно Ф. Джеймисону, «значение не является однозначным соотношением означающего и означаемого» [4, с. 133]; по формулировке Р. Барта, «уровнем Текста является не значение, а означающее» [17, с. 81]; как пишет Ж. Деррида, «с момента, когда мы ставим под сомнение саму возможность... трансцендентального означаемого и признаем, что всякое означаемое есть также нечто, стоящее в положении означающего, различие между означаемым и означающим – самый знак – становится проблематичным в корне» [16, с. 36].

Значение мыслится как сугубо процессуальный феномен: «соединение того, что означает, и того, что означается; это не форма и не содержание, а связующий их процесс» (Р. Барт) [18, с. 233]. Именно этот процесс и оказывается в фокусе внимания философии постмодернизма, причем трактовка значения как порождаемого «движением от означающего к означаемому» (Ф. Джеймисон) [4, с. 133] приводит к признанию того, что реально «означаемое и означающее суть две стороны одного и того же продуцирования» (Ж. Деррида) [16, с. 32].

Логическим завершением этого концептуального вектора является вывод Ф. Джеймисона о том, что фактически «то, что мы... называем означаемым ..., должно рассматриваться, скорее, как видимость значения, объективный мираж..., сформированный соотношением означающих между собой» [4, с. 133]. Постмодернизм избавляется от идеи онтологически заданной связи означающего с означаемым в любых ее версиях: будь она под маской репрезентации, денотации, десигнации, сигнификации, номинации, манифестации и т.п. Постмодернистские авторы единодушно постулируют разрушение «самого акта номинации» [18, с. 499], «утопичность денотации» [18, с. 309], «абсурдность сигнификаций и нонсенс денотаций» [11, с. 167], «кризис денотации» [18, с. 293] и т.д. Знаменем времени становится, по оценке К. Брук-Роуз, крах «веры в референциальный язык»: речь может идти лишь о «референциальной иллюзии» текста [19, с. 190]. Слово перестает выступать референтом выраженного соответствующим понятием объекта, обретая сугубо индикативную функцию. Так, по Ж. Делезу, слово может выступать лишь в функции произвольного «указателя» или «индикатора», и этот статус не позволяет усмотреть за словом «понятие», определенность содержания которого была бы обеспечена денотатом [11, с. 26].

«Замена реального знаками реального» выступает, по Ж. Бодрийяру, лозунгом культуры постмодерна [13]. Эволюционируя от парадигмы отражения реальности до маркировки ее отсутствия, современная культура, по Ж. Бодрийяру, идет дальше, достигая состояния, когда означающее «вообще не соотносится с какой бы то ни было реальностью», – культура, однако, продолжает «симуляцию реального» [13, с. 35]. Даже производство становится в этом контексте сугубо семиотичной сферой: как отмечается в исследованиях последних лет (Ж. Бодрийяр, С. Лаш и др.), в современном обществе товары артикулируются в первую очередь не в аспекте своей потребительной или меновой стоимости, но в аспекте стоимости знаковой. В этом же ключе Ф. Джеймисон фиксирует квази-семиотизацию феноменов художественной культуры, отмечая, что «звезды – наподобие Мэрилин Монро» не только трансформировались «в товар (commodified)», но и «превратились в свои собственные образы» [4, с. 125].

В таких условиях «уничтожение последних следов веры в референциальность» оценивается как единственно возможный «путь к истине»: как пишет Р. Барт, «ныне семиология призвана выступать ... против всей символическо-семантической системы нашей цивилизации; ... расщепить саму систему смысла» [17, с. 82 – 83]. И если исходно постмодернизм определял свою задачу как необходимость «опустошить знак», то в современной своей версии он пытается смоделировать «логические последствия нерепрезентативного понимания письма» [18, с. 400].

Важнейшим из таких последствий является признание тотальности языка – понимание языковой реальности как единственной и исчерпывающе самодостаточной, т.е. не нуждающейся во внеязыковом гаранте. Постмодернизм развивает заложенную модернизмом идею «крушения реальности» (уже Э. Ионеско писал: «слова превращаются в звучащую оболочку, лишенную смысла» [20, с. 137]). По Р. Барту, «язык – это область, которой ничто не внеположено» [18, с. 522]. При таком подходе культурная универ-

салия бытия фактически совпадает с универсалией текста. Джеймисон Ф. говорит о «фундаментальной мутации самого предметного мира, ставшего сегодня набором текстов» [4, с. 124].

Согласно Ж.-Ф. Лиотару, постмодернизм зиждется на отказе от самой идеи автохтонности объекта. Бытие предстает как процессуальность плюральных игр означающего: презумпция квази-семиотизма превращает культуру постмодерна из *зеркала мира* в *зеркало зеркал*, где место реальности занимают «знаковая реальность» (Б. Сمارт), «вербальная реальность» (Р. Виллиамс), «гипер-реальность» (Д. Лион) и т.п. Самая кажущаяся непосредственность объекта оказывается сугубо вторичным конструктом, базирующимся на системе избранных аксиологических шкал и культурных приоритетов. Иными словами, объект возможен лишь в результате семиотического усилия субъекта.

В этом контексте сознание, по формулировке Р. Барта, является не «неким первородным отпечатком мира, а самым настоящим строительством такого мира» [18, с. 255]. Эта установка может быть зафиксирована как на сугубо концептуальном уровне постмодернизма (для Ж. Деррида, «система категорий – это система способов конструирования бытия»), – так и на уровне художественной практики постмодернистского искусства (эпиграф к классическому постмодернистскому произведению – книге Р. Федермана «Прими или брось: раздутая подержанная история для чтения вслух стоя или сидя» – гласит: «Все персонажи и места действия в этой книге реальны: они сделаны из слов»). Соответственно, Б. Смарт оценивает когнитивную стратегию постмодернизма как переориентацию с «рассудка» как самодостаточной и абсолютной ценности к конструктивному «воображению» [2].

Практически во всех социологически ориентированных концепциях постмодернизма (З. Бауман, С. Бест, Ж. Бодрийяр, Р. Виллиамс, Д. Келлнер, Д. Лион, Б. Смарт) обнаруживается программный отказ от идеи реальности и исключение соответствующего понятия из концептуальных контекстов: история артикулируется как история языка.

Особым аспектом программной семиотизации бытия культурой постмодерна выступает специфика идеалов описания и объяснения, фундирующих постмодернистскую парадигму современного философствования. Такими идеалами являются эксплицитно утверждаемые постмодернизмом нарративность и принципиальная вариабельность нарративов. Под нарративом или нарративом (от лат. *narrare*, означающего языковой акт, т.е. вербальное изложение, в отличие от представления) понимается повествовательный (сообщающий) текст. Атрибутивной характеристикой нарратива является его самодостаточность и самоценность: как отмечает Р. Барт, повествования разворачиваются «ради самого рассказа, ...вне какой-либо функции, кроме символической деятельности как таковой» [18].

Понятие нарратива фиксирует процессуальность самоосуществления как способ бытия текста, – идея привнесения смысла в качестве основополагающей ложится в фундамент постмодернистской концепции рассказа. По Ф. Джеймисону, нарративная процедура фактически «творит реальность», одновременно постулируя свой отказ от какой бы то ни было претензии на адекватность как презентацию некой вненарративности реальности [4].

«Повествовательная стратегия» постмодернизма фактически есть радикальный отказ от реализма во всех возможных его интерпретациях, включая литературно-художественный критический реализм, ибо критиковать – значит считаться с чем-то как с объективным; средневеково-традиционный философский реализм, ибо постмодерн относится к тексту принципиально номиналистично; и даже сюрреализм, ибо постмодерн не ищет «зон свободы» в субъективно-аффективной сфере, и потому обретает ее не в феноменах детства, сновидения или интуиции, как сюр, но в процедурах деконструкции и означивания текста, предполагающих произвольность его центрации и семантизации.

Текст, таким образом, квантуется в нарративах, и вне их плюральности у него нет и не может быть какого бы то ни было так называемого *исходного* (*собственного* или *правильного*) смысла: нарратив – это рассказ, который всегда может быть рассказан по-иному.

Постулируя повествовательные стратегии в качестве основополагающих для современной культуры, философия постмодернизма генерирует идею программного плюрализма нарративных практик, что находит свое выражение в предложенной Ж.-Ф. Лиотаром концепции «заката больших нарративов», развивающей идею Ю. Хабермаса и М. Фуко о легитимации как механизме придания знанию статуса ортодоксии. По определению Ж.-Ф. Лиотара, «легитимация есть процесс, посредством которого законодатель наделяется правом оглашать данный закон в качестве нормы» [21, с. 143].

На основании «дискурса легитимации» в той или иной конкретной традиции оформляются «большие нарративы» («метанарративы», «великие повествования» – типа идеи эмансипации и прогресса, гегелевской диалектики духа или просветительской трактовки знания в западной культуре [21, с. 140 – 158]), задающие семантическую рамку любых нарративных практик. Джеймисон Ф. в аналогичном контексте говорит о «доминантном повествовании», или «доминантном коде», как «эпистемологических категориях», функционирующих в соответствующей традиции как нерелексированная система координат, внутри которой осуществляется символическое производство артефактов той или иной культуры [4].

Специфику постмодернистской культуры (с точки зрения характерной для нее организации знания) Ж.-Ф. Лиотар усматривает в том, что в ее контексте «большие повествования утратили свою убедительность» [21, с. 152]. Собственно, постмодерн может быть определен, по Ж.-Ф. Лиотару, как «недоверие к метаповествованиям»: «великие повествования» распадаются на мозаику локальных историй, ни одна из которых не претендует на приоритетность [21, с. 141, 145].

Апплицируясь на различные предметные области концепция «заката больших нарративов», получает широкое распространение и содержательное развитие. Кюнг Г., интерпретирует историю христианства как смену парадигм вероисповедания, которые ставятся им в соответствие с большими нарративами. Современность в этом плане выступает эпохой заката больших нарративов, что предполагает снятие межрелигиозных коллизий и дает «новый шанс для религии» в смысле обретения ею адекватного места в плюрализме мировоззренческих парадигм [22, с. 63 – 76]. Применительно к когнитивным аналитикам, идея «заката больших нарративов» инспирирует конституирование Дж. О'Нилом «толерантной стратегии знания», или стратегии «взаимности (mutuality)», ориентированной на «взаимное значение» различных версий мироинтерпретаций, в отличие от классической неконформистской «стратегии противостояния (alterity)» [23, с. 13 – 94, 157 – 177]. Аналогичные выводы сделаны Д. Мак-Кенсом применительно к современной этике [24].

В этом контексте постмодерн осуществляет радикальный отказ от самой идеи конституирования традиции, что находит свое теоретическое выражение в фигуре «мертвой руки» (Х. Брук-Роуз), заимствованной постмодерном из юридической практики, где она означает владение без права передачи по наследству [19, с. 187]. Отказ от традиций – это, по существу, единственная традиция постмодерна. Универсальным принципом построения культуры постмодерна оказывается принцип плюрализма.

В данной системе отсчета наличие, или даже аксиологическое доминирование, одного (выделенного, избранного, признанного приоритетным) типа дискурсивных практик оказывается невозможным в постмодернистском контексте: подобный «дискурс легитимации» (Ж.-Ф. Лиотар) сменяется дискурсивным плюрализмом, санкционированный тип рациональности – вариативностью рациональностей, фундирующей языковые игры как альтернативу нормативному языку. По определению Ф. Гваттари, «тип дискурса, лакановский, юнгианский или адлеринский, не так уж важен. Все годится, все приемлемо» [25, с. 23].

Коллаж превращается в постмодерне из частного приема художественной техники (типа «мерцизма» К. Швиттерса в дадаизме) в универсальный принцип построения культуры. По Ж.-Ф. Лиотару, эклектизм является нулевой степенью общей культуры (по радио слушают реггей, в кино смотрят вестерн, на ланч идут в McDonald's, на обед – в ресторан с местной кухней, употребляют парижские духи в Токио и одеваются в стиле ретро в Гонконге). И в этом плане культура постмодерна принципиально нелинейна: она описывается Ж.-Ф. Лиотаром как «монстр, образуемый переплетением различных сетей разнородных классов высказываний (денотативных, предписывающих, перформативных, технических, оценочных и т.д.)», и невозможно определить «метапредложения» или хотя бы «временный консенсус» для всех языковых игр [21, с. 157]. Идеалом описания и объяснения действительности выступает для постмодернизма идеал принципиального плюрализма, фундированный идеей «заката больших нарративов».

Заключение. Стратегия мировосприятия постмодернизма, получившая название «постмодернистской чувствительности», базируется на фундаментальной культурной стратегии семантизации бытия, находящей свое выражение в таких установках, как, во-первых, отказ от смысла в качестве наличного (презумпция «усмотрения хаоса» и толкования последнего в качестве смыслопорождающего), во-вторых, отказ от идеи референции (презумпция принципиальной семиотичности данной человеку реальности) и, в-третьих, отказ от аксиологической приоритетности какого бы то ни было стиля мышления в качестве дискурса легитимации (презумпция принципиальной нарративности и, следовательно, плюральности описания и объяснения).

ЛИТЕРАТУРА

1. Leitch, V. Deconstructive criticism: an advanced introduction / V. Leitch. – L., 1983. – 290 p.
2. Smart, B. Postmodernity. Key Ideals / B. Smart. – L. – N.Y., 1997. – 169 p.
3. Deleuze, G. Capitalisme et schizophrénie / G. Deleuze, F. Guattari. – P.: L'Anti-Oedipe, 1972. – 470 p.
4. Джеймисон, Ф. Постмодернизм, или Логика культуры позднего капитализма / Ф. Джеймисон // Философия эпохи постмодерна. – Минск: Красико-принт, 1996. – С. 118 – 137.
5. Вельш, В. Постмодерн: генеалогия и значение одного спорного понятия / В. Вельш // Путь. – 1992. – № 1.
6. Делез, Ж. Ризома / Ж. Делез, Ф. Гваттари // Философия эпохи постмодерна. – Минск: Красико-принт, 1996. – С. 9 – 31.

7. Ward, G. Postmodernism / G. Ward. – L. – Chicago, 1997. – 186 p.
8. Lemert, C. Postmodernism is not What You Think / C. Lemert. – L. – Oxford, 1997. – 185 p.
9. Фуко, М. Порядок дискурса / М. Фуко // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. – М.: Касталь, 1996. – С. 47 – 96.
10. Бодрийяр, Ж. Венецианское преследование / Ж. Бодрийяр // Художественный журнал. – 1995. – № 8.
11. Делез, Ж. Логика смысла / Ж. Делез. – М.: Академия, 1995. – 298 с.
12. Кристева, Ю. От одной идентичности к другой / Ю. Кристева // От Я к Другому: сб. переводов по проблемам интересубъективности, коммуникации, диалога. – Минск: Менск, 1997. – С. 256 – 273.
13. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр // Философия эпохи постмодерна / Ж. Бодрийяр. – Минск: Красико-принт, 1996. – С. 32 – 47.
14. Бодрийяр, Ж. Злой демон образов / Ж. Бодрийяр // Искусство кино. – 1992. – № 10.
15. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.
16. Деррида, Ж. Позитивизм / Ж. Деррида. – Киев: Л.Д., 1996. – 192 с.
17. Барт, Р. Семиология как приключение / Р. Барт // Arbor Mundi // Мировое древо. Междунар. журнал по теории и истории мировой культуры. – 1993. – Вып. II. – С. 79 – 83.
18. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М.: Прогресс, 1989. – С. 276 – 296.
19. Brook-Rose, Chr. The dissolution of character in the novel / Chr. Brook-Rose // Reconstructing individualism: Autonomy, individuality, & the self in western thought. – Stranford, 1986. – P. 184 – 196.
20. Ионеско, Э. Трагедия языка / Э. Ионеско // Как всегда – об авангарде. Антология французского театрального авангарда. – М.: ТПФ «Союзтеатр», изд-во «ГИТТИС», 1992. – С. 134 – 138.
21. Лиотар, Ж.-Ф. Постмодернистское состояние: докл. о знании / Ж.-Ф. Лиотар // Философия эпохи постмодерна. – Минск: Красико-принт, 1996. – С. 140 – 158.
22. Кюнг, Г. Религия на переломе времен / Г. Кюнг // Arbor Mundi // Мировое древо. Междунар. журнал по теории и истории мировой культуры. – 1992. – Вып. II. – С. 63 – 76.
23. O'Neill, J. The Property of Postmodernism / J. O'Neill. – L. – N.Y., 1998. – 205 p.
24. Мак-Кенс, Д. Этика в постсовременной перспективе / Д. Мак-Кенс // Философские науки. – 1996. – № 1 – 4.
25. Гваттари, Ф. Трансфер или то, что от него осталось, или Аналитик живет в постоянном страхе / Ф. Гваттари, Б.Л. Эттингер // Кабинет: картины мира. Психогенез / Техногенез: коллекция perversus: сб. ст. – СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. – С. 21 – 28.

Поступила 07.09.2010

**POSTMODERN SOCIAL SPACE:
ENTITY SEMIOTIZATION PHENOMENON**

M. MOZHEIKO

On the basis of a person's modern specific perception of the world as chaos and a phenomenon of post-modern sensitivity, the article spends the idea that the strategy postmodernist attitude is based on the fundamental cultural strategy – semantic action of being. Such installations of postmodern cultural strategy as the refusal of 'equivalence' (J. Baudrillard), 'transcendental meant' (J. Derrida), 'referral illusion' and a figure of 'a dead hand' (Chr. Brook-Rose), as well as many other things are revealed, which confirm non-linearity of culture of Postmodernism and a possibility of the statement for it – a unique universal principle of Pluralism.